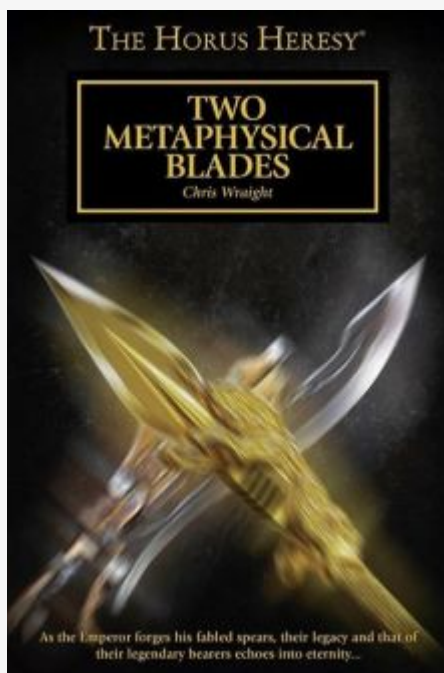

Два метафизических клинка / Two Metaphysical Blades (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Два метафизических клинка / Two Metaphysical Blades (рассказ)

Автор	Крис Райт / Chris Wraight
Переводчик	Ulf Voss
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора / Horus Heresy (серия)
Год издания	2018
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Скрытая глубоко под истерзанной оболочкой Земли кузня, словно кровью освещена поднимающимся из глубин древним пламенем. Голый каменный пол крест-накрест исчерчивают глубокие трещины, узкие шахты уходят в старое и разгневанное сердце. Рычащие машины, оседлав бездну высеченными из камня мостами, стучат железными сердцами и взбивают посреди бьющих фонтаном искр ручейки расплавленного металла.

Среди этих машин трудятся смертные люди с закрытыми лицами и оплетенными стальными лентами руками. На их опаленных темно-зеленых одеждах знак Сигиллитов. Они молчат, так как их служба и обязанности требуют лишь безмолвного усердия. Звуки глубин – это рев выпущенного на волю пламени, глухие удары ротативных молотов, скрежет поднимающих руду конвейеров.

Действие происходит до того, как был задуман Империум. Пустота за невежественными берегами Терры все еще кишит живыми кошмарами, а в вычеркнутых из памяти крепостях, ещё жмутся остатки человечества, страшась ночи. Только здесь, укрытый от глаз, как людей, так и нелюдей, защищаемый непрерывным ритуалом, теплится мерцающий свет возрождения.

Это Его первая цитадель. Теперь никто не помнит ее имени, но она все равно самая первая и, возможно, даже сейчас, в своих мучительных снах настоящего, Он вспоминает ее основание, продуктивную жизнь и в положенный срок разрушение.

В центре этого места стоит наковальня, окруженная пентаграммой внутри круга, затем октагона. Она черна и высечена из нерушимого камня. Ничего не отражается от нее, она поглощает свет, впитывает его. По периметру поднимается круг колонн, медленно исчезая в затянутой смогом высоте. Их двадцать и они отмечены тайными символами, которые сложно разобрать в непостоянном свете тлеющих углей. Дым повсюду, он шипит и скользит сквозь темноту, не давая разглядеть, кто здесь есть, а кого – нет. Иногда, кажется, что вокруг наковальни собралось много фигур, а иногда – вообще никого.

По незаконченному еще полу идет фигура в мантии. Это Малкадор. У него прямая осанка и плавная походка, но таким он будет не всегда. Таким он был прежде, до многочисленных ран и шрамов, полученных позже. Капюшон отброшен и видна обнаженная гладкая кожа. В отличие от теней в дыму, он виден отчетливо. Такое ощущение, что он обитал здесь уже очень давно. Подземный и терпеливый житель.

Он поднимает взгляд на сверкающее суспензорное поле. Внутри него вращаются два длинных копья, каждое покрыто силовыми механизмами и энергетическими линиями. Они огромные, слишком большие для руки неулучшенного человека, а значит они – предвестники грядущих событий. Эти копья – обещание, два осколка судьбы, которые бросят в бушующее море.

Малкадор долгое время смотрит на них, изучая каждую линию и центр тяжести. Эти мрачные инструменты светятся жадной уничтожения. Даже без направляющей руки они всем своим видом показывают тягу и способность к убийству.

- У вас есть для них имена? – спрашивает Малкадор голосом, который еще не огрубел от долгих лет и разочарований.

- Два равноценных клинка, – раздается ответ из дыма, преломленный и отраженный. Его источник непостоянен. – Два принципа. Упоение и сдержанность, переменчивость и постоянство. Дионисийское и Аполлоническое.

Малкадор усмехнулся.

- Старые боги для безбожного мира.

- Он не останется навечно безбожным.

- Возможно.

Сигиллит присматривается внимательнее, подняв тонкую серую руку к изгибам рукоятей.

- Вы сами будете пользоваться ими? - спрашивает он.

- Какое-то время. Но они не останутся со мной.

- Тогда кто?

Дым колыхнется, когда сквозь него доносится смех. Странно слышать, как с этих губ срывается веселье. Однажды они тоже замолчат, застыв в вечном мучительном вопле, но сейчас они все еще могут смеяться.

- Противоположности, - отвечает фигура в дыму, подняв молот над наковальней и возвращаясь к своей работе. - В определенном смысле.

Другое место, но все еще на Terre, и все еще до того момента, когда Империи по-настоящему родится. В радиационных пустошах обитают кровавые тираны, а загрязненные небеса гремят неумело управляемыми варварскими энергиями. Даже Громовые Воины в эти времена ещё новички, почти неиспытанные в бою. Их броня плохо сидит на искусственно выращенных мышцах.

Отчаянные дни. Организм наиболее уязвим в младенчестве, и, несмотря на долгое вынашивание этой идеи, она все еще может быть уничтожена. И вот между одурманенными химическими препаратами ордами и освященным сердцем надежды стоит горстка воинов. Каждый из них создан кропотливым трудом, чтобы стать вечным стражем того, что должно наступить.

Был ли он самым первым? Или просто величайшим из тех, кто выжил в первых партиях? Он может не знать ответа, а может и не интересоваться им, ведь Константин Валдор - не любопытный человек. На самом деле он вовсе не человек, по крайней мере, по обычным меркам - его растянули, вычистили и выпотрошили, после чего заново собрали в лучшее тело, которое сейчас смутно вырисовывается в этих полупустых землях. К этому моменту он повидал многих из тех, что несут возмездие вместе с ним за древние и полузабытые долги. Когда рушатся стены и обнаруживаются подземелья, его суровое лицо остается бесстрастным. Он не испытывает радости, когда проклятые получают свою награду, а невинные принимаются на службу этим новым миропорядком. Все это мало значит для него.

На нем новая броня. В самом начале он носил то, что подходило ему, но с ростом боевой мощи выросли и возможности. Теперь он носит Золото. Доспехи, словно объятия возлюбленной, так же плотно прилегают к мышцам, как и собственная кожа. Люди из прошлого и будущего, имеющие представление о балансе силы верят, что за всю историю не более горстки людей смогут сравниться с Константином Валдором, облаченным в эту броню. Именно в нем соединялось прошлое и будущее, перемалываясь в неповторимость совершенства, хотя он сам никогда не признает этого, так как замечает только изъяны.

Перед ним по спекшимся соляным впадинам скользит сухой ветер. Грязные небеса исполосованы уплывающими конденсационными следами. Навстречу тащится армия, верхом на протекающих полугусеничных и грузовых машинах. В порывах соленого ветра трепещут десятки знамен, выдавая пару десятков феодалов и вассалитетов. Никому из бойцов не суждено пережить этот день. Они уже стреляют, вспахивая землю из орудий и стабберов на вертлюгах.

Валдор не двигается. Его путь войны - это в первую очередь изучение, анализ, оценка и только затем действие. Из-за этого он выглядит пассивным, но это всего лишь очередная химера. Он активнее сотен

тех, кто атакуют его, просто не физически.

Вместе с ним двадцать братьев. Как и он, они облачены в новые аурамитовые оболочки, и их высокие шлемы блестят в слепящем соляном сиянии. Как и он, они не двигаются. Тонкая линия пехоты, скудная полоска, противостоящая галопирующему стаду механической ярости. Они ждут, ждут, ждут.

Когда воины, наконец, приходят в движение, невозможно определить, когда и как это произошло. К тому времени, когда вы осознаете, что они больше не статичны, они уже наносят второй или третий удар, и по всей вероятности вы уже мертвы.

Валдор впереди, возглавляя остальных в этом геометрическом танце бойни, который при должном понимании также обладает ритуальным измерением. Все его жертвы выбраны в те безмолвные секунды перед атакой, и теперь он просто выполняет план. Полугусеничная машина несется прямо на него, выпуская клубы выхлопных газов и сверкая огнем из скорострельных пулеметов. На миг, кажется, что она должна переехать Валдора, но затем он прорубает себе путь прямо через нее широкими взмахами оружия в парящей золотисто-серебристой короне. Кружась, разлетаются разрубленные мосты машины и куски брони. Когда Валдор добирается до двигателя, тот взрывается, пожирая всю раскачивающуюся конструкцию, через которую кустодий шагает невредимо. Языки пламени цепляются за него, словно запоздалые печальные ласки.

Выжившие враги спрыгивают, чтобы сразиться с ним, напоминая шершней, привлеченных сахаром. Коктейли из боевых наркотиков лишают их страха. Валдор едва замечает их, пока копьё бьет, рубит, режет и колет. Он ищет одну душу, повелителя этого сброда, оскорбляющего мечту Императора, и поиск не занимает у него много времени.

Невозможно точно сказать, что эта особа сделала со своей плотью, чтобы добиться такой силы. Она выше, чем должна быть, шире и увита мышцами, накаченными стимуляторами. Ее позвоночник – это паутина из питающих трубок, нижняя челюсть – решетка из окровавленных мандибул. При движении рассеивающие поля смазывают ее приземистые очертания, а вокс-воплъ сопровождает каждое телодвижение. На ржавом нагруднике намалеван черный как смоль череп, который, вероятно, является ее эмблемой или клана, или же знаком верности некой более таинственной силе, но это имеет никакого значения, так как все это должно быть уничтожено.

Она карабкается к Валдору, словно обшитый металлом арахнид. Вокс-воплъ уже грозит разорвать барабанные перепонки. Каждая ее рука заканчивается вращающейся циркулярной пилой, колющей и рубящей отрывистыми конвульсиями.

Валдор на миг замирает. Этот отрезок времени не заметен ни тому, кого он убьет, ни ее подручным, ни даже, возможно, его собственным солдатам. Он медлит, потому что его копьё просвещает его. Среди выпадов и контрвыпадов острое неподвижно, и в эту секунду можно подумать, что все в мироздании вращается вокруг него одного.

Затем Валдор выбрасывает клинок вперед, разрубая нагрудник с черепом и разрезая накаченный стимуляторами каркас. Когда лезвие встречает плоть, разум воина наполняется откровениями, истинами, пророчествами, разъяснениями. Он узнает данное женщине имя – Ребака Сова Каше – и видит ее рождение и детство, и перенесенное надругательство и сделанный выбор, и как ей пришлось принять насилие, чтобы не стать его жертвой. И как ее душа медленно иссохла среди злодеяний, пока женщина не стала тем чудовищем, которого когда-то страшилась. И для нее не осталось иной судьбы, кроме смерти.

Затем она умирает, нить ее души обрывается среди фонтана крови, и видения исчезают. Копье говорит только истину, и только, когда удар нанесен и завершен. Его слова повествуют о неудачах и компромиссах, напоминая владельцу о смертности и бесконечных разочарованиях оружия.

Убийства продолжаются, быстрые и безжалостные, пока машины дымятся среди почерневшей соли, а оставшиеся техновоины молят о милосердии, которому нет места на подобном поле битвы.

Валдор выходит из дыма, позволяя своим товарищам закончить их работу. В этот момент он ощущает голос повелителя в своем разуме, что весьма часто случается после выполнения задания.

+Теперь ты понимаешь свое оружие+ утверждает голос.

+Оно открывает истину+ отвечает Валдор.

+Оно ищет изъян+

+Вы вручили его мне, но ведь в Вашей руке оно будет могущественнее+

Некое подобие тихого смеха, хотя уже холоднее обычного.

+Оно не увеличивает твою силу, Константин. Оно контролирует ее. Убивать для тебя просто, поэтому тебе пойдут на пользу напоминания об историях душ твоих жертв, прежде чем ты покончишь с ними.+

Валдор молчит, переваривая сказанное. Он никогда не мог оспорить ни одно повеление своего господина, и прекрасно понимал почему.

+Вы говорили мне, что таких клинка два.+

+Говорил.+

+Где другой?+

Но ответа не последовало. Валдор чувствует уход этого колоссального разума, а потом остается только затянутое пылью солнце, едкое пламя и крики умирающих.

Другое место, невообразимо далекое в пространстве и времени, но тоже охваченное пламенем. Позже его назовут Огненным Колесом, ссылаясь на пекло этого беспокойного района космоса. Здесь целые миры пропадали в багровых шлейфах не знающего покоя гнева, а звезды мерцали за охватывающей систему пеленой жара.

Здесь могли преуспеть только зеленокожие, полагаясь на свою почти безграничную выносливость и упрямый отказ учитывать разумные шансы. Они видели рвущееся к небесам пламя и смеялись. Они размножились в ямах шириной в сотню километров и, разрывая плодные оболочки, были готовы тут же взяться за оружие. Бесчисленные годы они наводняли Колесо, переполняя черной волной безрассудства с одного мерцающего мира на другой.

А затем Колесо стало испытательным полигоном для нового Легиона, горнилом, в которое бросили VI-й. Тоже кузней, но другой, в которой примеси вычищались войной. В качестве участников галактического крестового похода, который теперь несет войну из старых отравленных долин Терры в изначальную пустоту, Волки, что Крадутся меж Звезд спускаются на эти переполненные плоскогорья и долины, и впервые ксеносы познают свирепость, превосходящую их собственную.

В течение последующих пяти лет изматывающей войны, Легион потерял треть своих воинов. Это высокая цена, даже для времен, когда многое неопределенно и не один Легион окажется на грани полного уничтожения по той или иной причине. Такая верность требует компенсации. Обмен дарами между королем и ярлом такая же древняя фенриси́йская традиция, как и любая прочая. И все, кто оказываются ее свидетелями, понимают это.

А точнее, все, кроме одного. Капитан-генерал Легио Кустодес не признает дары и награды, так как все его существование – это служба, без наград и цены. Он смотрит на церемонию награждения победителей с определенным смирением. Лорду Руссу дарована цитадель, равной которой не получит ни один из его братьев, и которой, судя по всему, в будущем суждено накапливать беды. Помимо этого, учитывая потери, которые примарх добровольно понес, чтобы исполнить приказ Императора, ему даровано оружие.

Валдор смотрит, как Волчий Король принимает копьё, и замечает его неуверенность. Русс, словно ужаленный, почти одергивает руку от рукояти, после чего сжимает ее слишком крепко, по всей видимости, из-за бравады.

Много позже оба эти чувства сливаются воедино. По всему лагерю разносятся звуки пьянства и драк, и у самого Русса подбородок блестит от пролитого напитка. Клинка уже нет в его руке.

- Константин! – ревет Русс, хлопая по плечу Валдора. – Полагаю, пить ты не будешь.

Валдор сухо улыбается.

- Вам больше достанется, – отвечает он. – Вы же возьмете его? В бой?

Лицо Русса тут же принимает хмурый вид.

- Кровь и зубы, – бормочет он. – Ты бы испортил брачную ночь ярла.

- Будьте осторожны с ним. Я говорю это как друг.

Русс смотрит на него немного затуманенным взором.

- Бой окончен. И у меня есть мой меч.

Он плюет на землю.

- Он сделал это только, чтобы Феррус позавидовал. Ты уже говорил с Феррусом? Вы можете найти общий язык.

Валдор внимательно присматривается к примарху. В нем проглядывает привычное бахвальство, но также что-то ещё, более глубинное. Антипатия непритворная – Русс ненавидит это оружие. Он также ненавидит Валдора или, по крайней мере, то, что он представляет. И Валдор сожалеет об этом, потому что с учетом того, насколько подобные эмоции имеют для него смысл, ему вполне нравится Волчий Король.

- Наши копьё – близнецы, – произносит Валдор несколько последних слов, прежде чем Русс с важным видом отправится в освещенную огнем темноту. – Оба делятся истиной. Я не знаю, что представляет собой ваше. Мое... непросто носить.

Русс несколько секунд смотрит на него, открытый рот блестит, а ледяной синевы глаза воспалены.

- Я не собираюсь пользоваться им, - наконец, говорит он. - Я даже не собираюсь оставлять его у себя. Ты можешь хранить свое клинки судьбы и сплетенные с вурдом мечи. Я скорее воспользуюсь голыми кулаками, чем той штукой.

- Но прислушайтесь к тому, что оно говорит вам, - предупреждает Валдор Русса, который, пошатываясь, отправляется туда, где наливают.

- У меня для этого есть мои ярлы, - говорит заплетающимся языком Русс.

- Пока, - отвечает Валдор, в этот раз едва слышно.

А затем время ускоряется, словно охваченное безрассудным нетерпением, и вселенная начинает нестись навстречу величайшему аду из всех возможных. Война превращается из отдельных сражений в катящийся по галактике поток магмы. Поначалу это Империиум в своем великолепии, сносящий перед собой все с помощью армий генетически увеличенных сверхсолдат. Он - неудержимая сила, встречающая на своем пути только незначительные препятствия.

В эти дни Аполлоническое копьё у всех на виду, его имя произносится с растущим благоговением. Валдор становится тотемом, частью круга, что окружает Императора подобно хору серафимов. Если такой подход слишком напоминает религию, которая должна быть искоренена, то это небольшая плата за столь непрерывный и ослепляющий успех. Пусть миры падут один за другим, а затем можно будет разработать детали догматов.

Русс тоже играет свою роль, хотя гораздо менее прославленную и гораздо более устрашающую. Его Легион становится злобной стаей сторожевых псов, берясь за грязные и трудные задачи и получая за это мало славы. Их это мало заботит. Они необщительны, как и прочие космодесантники, и не разделяют навязчивого внимания к признанию, которого, к примеру, требуют Фулгрим или Лоргар. Но они не забывают.

За это время второй клинок ни разу не обнажается. Его старое имя забыто, и только во Дворце Малкадор образно бормочет о Дионисийском копьё и его судьбе. Неизвестно, знал ли когда-либо Русс это имя. Если и так, он никогда не пользуется им, предпочитая описывать оружие, как одну из многих вещей, которые от «Императора», противопоставляя тем вещам, которые от «Своры», и сравнение это не всегда считается одобрителем.

Тем не менее, некоторому оружию не суждено вечно оставаться за занавесом, и в болотном пекле луны Давина обнажается другой важный клинок. Его вонзили в плечо величайшего из смертных воинов, запустив цепь ошибок и преступлений, которые обратят Империиум против самого себя, подобно змее, пожирающей свой хвост. Если крестовый поход до того момента был кровавой волной разрушения, то к последовавшей затем разнузданной жестокости никто не оказался готов. Говорят, что Легионес Астартес никогда не сражались так упорно, как против братьев. Бесчисленные системы познали горе, когда узы рассыпались и выпущенные на волю псы хаоса вгрызлись в раздробленные кости своих братьев.

Когда в рухнувшем трупы крестового похода угасает свет, оба копьё становятся ненужными. В случае с Руссом ничего не изменилось. Он идет на войну с клинками, выкованными стужей его родного мира-смерти, прорубая путь холодного разрушения и берясь за все более катастрофические битвы с чувством, которое должно казаться его многочисленным врагам высокомерием или безумием. Ни разу за это

время он не потянется за оружием, которое зовет с заметной неуверенностью «клинком Императора». Ни разу он не прислушается к голосам, шепчущим вокруг исписанного рунами лезвия, а его пальцы не приблизятся к перетянутым кожей ножнам.

Этого не случится до самого финала его участия в великой драме, когда он добровольно отправится в последний бой, зная, что никогда его не выиграет, и только в этот момент обратит внимание на совет Валдора прислушаться к своему оружию. Этот путь приведет полумертвого и истерзанного примарха на смертоносные поля Яранта, где ненавистное древко еще раз заберут из его бесчувственных пальцев.

Что касается самого Валдора, Аполлоническое копье также ни разу не использовалось во время великого поражения в наполненных ксеносами туннелях под осажденным сердцем Терры. Капитан-генерал не ведет ту кампанию, но остается внутри физического Дворца с другими военачальниками. Возможно, это к лучшему - пророчества клинка были бы символами безумия в тех меняющихся и коварных измерениях. Только когда приготовления к осаде завершены и Тронный мир сжат в крепкой хватке Предателя, Валдор еще раз берется за говорящее истину копье, зная, что оно скоро захлебнется кровью, которую вынуждено проливать.

В ночь перед началом того последнего акта, когда Константин стоит на стенах Дворца, а небо заполнено светящимися корпусами грузовых судов, он чувствует, как оживает дух пропитанного чарами оружия.

+Какие истории ты расскажешь мне сейчас?+ задает он вопрос в момент редкой прихоти.

Оружие молчит. Это Аполлоническое копье. Оно говорит только, когда убивает.

И снова горит Терра. Все погребло, все остыло, пламя погасло. Небеса затянуты, земля - черна. Крепость размером с континент лежит в руинах, ее живые обитатели в психическом шоке, орудия молчат. По всему земному шару под шепот дождя сыпется пепел, в последний раз что-то падает из облаков Терры.

Кто сможет подсчитать понесенные потери? Это задание никогда не выполнят, вне зависимости от того, сколько адептов помешенного на числах Империи попытаются описать масштаб разрушений. Родилась новая эпоха, которая продлится десять тысяч лет перед своей окончательной смертью. Ковыляющая эпоха, на глазах которой потушат и затопчут энергию крестового похода. Эпоха забывания и угасания.

С этого момента война никогда не стихнет, победы не будет, но на Терру опускается потрясенное безмолвие. На удивительный и короткий промежуток времени, словно перехваченное при травме дыхание, мир замрет. Выжившие титаны на сером горизонте напоминают окутанные дымкой статуи. Сражавшиеся мужчины и женщины, устало опустив оружие, смотрят безрадостными глазами на падающий пепел.

Именно в этот мир, наконец, вернется Волчий Король, слишком поздно, чтобы повлиять на результат, но слишком рано, чтобы избежать его. Это его выжившие Серые охотники крадутся по гулким коридорам и изгоняют последних призраков из неостывших камней. Даже примархи посрамлены. Они больше не ступают с гордым видом, не так, как на Улланоре семью годами ранее. Они унижены. Те, кто выжил.

Валдор находит Русса в месте, которое построили в качестве обсерватории, но которое станет через тысячу тягостных лет, как ни странно, часовней.

- Ваш брат ищет вас, - обращается кустодий. Он имеет в виду Льва, который тоже вернулся слишком

поздно, и теперь мечется по коридорам, охваченный приступом горя и безумия.

Русс поднимает голову. Грива всклокочена, клыки выглядят затупленными. Когда он улыбается, получается ужасно – когда-то румяное и привычное к искренней радости лицо кривится в гримасу.

- Все еще носишь эту чертову штуку, – замечает примарх.

Валдор не знает, сможет ли когда-нибудь выпустить копьё. Его пальцы так долго сжимали рукоять, что их сложно разжать. Разъяснения все еще звучат в его разуме, тысячи их. Он убил тысячи.

Я боевой брат Скарр-Хей из Пожирателей Миров. Мой изъян – сомнение.

Я – Шарро из культа Открытой Руки. Мой изъян – страх.

Я – демон Несущий желчь. Мой единственный изъян – имя.

- Где ваше? – спрашивает Валдор. Его голос хрипит от изнурения. Даже для него произошедшее подобно медленной смерти. Он не может забыть увиденное на «Мстительном духе», как и то, что было утрачено на тех переполненных нерожденными палубах.

Русс фыркает.

- Я говорил тебе, что никогда не пользовался им.

- Я вручил вам его лично. Здесь. Перед вашим отбытием.

- И оно сделало то, что ты сказал мне. – Русс смотрит прямо на Валдора. – Только мой клинок просвещает тех, кого поражает, а не руку, которая направляет его. Был ли от этого какой-то толк? Я не знаю. И теперь никогда не узнаю.

Валдор опускается, присев на сведенных судорогой мышцах.

- Он ничего не делал без умысла. Семя может расцвести спустя века после насаждения. Я видел это своими глазами.

Русс помрачнел.

- Ты никогда не прекратишь, – пробормотал он. – Даже сейчас, даже здесь, ты продолжаешь повторять эти прописные истины.

- Не стоит так опрометчиво списывать Его...

- Он мертв, Константин! – заревел Русс, наконец, растормошив себя и стряхнув пыль со шкуры. – Все его планы также мертвы. Мы словно псы помочились на них, и теперь галактика смердит нашим следом. Оглянись. Попытайся увидеть этот мир, как его видят те, у кого есть душа. Попытайся, хоть на миг, *разозлиться*.

Валдор пытается. Он потакает Повелителю Фенриса и пытается. Но все, что он слышит – это голоса убитых.

- Вы не можете избавиться от него, – тихо произносит кустодий, осознавая опасность своих слов. – Поймите. Когда вы взяли его, на Серафине, вы стали принадлежать ему точно так же, как оно – вам. Оно будет и далее возвращаться. Последует за вами сквозь время, так как его создали для вас и никого иного. Некоторые вещи вечны. Оно одно из них.

Русс опускает плечи. Глубоко вздыхает, и пятна кровавой кислоты пачкают его одежду.

- Ты всегда мирился со своей судьбой, - говорит примарх. - Но я не мог. Я считал, что именно по этой причине Он создал меня таким, какой я есть. Теперь я просто думаю, что мы все порченые. И больше ни в чем не уверен.

По какой-то причине эти слова что-то пробуждают в Валдоре. Словно из далеких катакомб он слышит эхо голоса, который никогда больше не заговорит.

«Переменчивость и постоянство».

- Вы не изменитесь, - говорит Валдор. - Как и я. И это не случайно.

Русс больше не слушает.

- Величайший грех на Фенресе, - бормочет он. - Подвести своего ярла.

А затем Валдор делает нечто, настолько несвойственное ему, что сам удивляется. Но ведь это время конца одной эпохи и начала другой. И такой момент не сможет взволновать только самую черствую душу.

Кустодий кладет руку на плечо примарха и немного сжимает в знак утешения.

- Еще не все потеряно, Волчий Король, - говорит Валдор со всей теплотой, на которую способен. - Еще есть место сагам.

А затем, после столь стремительного ускорения, бег истории вязнет в болоте. Происходит великое ослабление и сокращение империи, последовавшее за первые актами преднамеренного забывания.

Война разойдется от выжженной Терры, неуверенно и медленно по всему пути назад - в само Око. За это время преданность сторон только укрепится, как верных, так и предателей, пока не останется места сочувствию и совпадению взглядов и будет возможна только закаленная ненависть между теми, кто некогда сражался бок о бок. Выжившие примархи вернутся на свои разоренные миры и восстановят их, хотя и в пустой пародии на изначальные намерения. Они починят крыши, залатают стены, но холодные ветра по-прежнему задувают через открытые стропила.

Легионы станут Капитулами, и Адептус Астартес уступят управление Империи смертным Верховным Лордам. С этого времени космодесантники превратятся в осколки былой мощи, несоизмеримым с ней сборищем безжалостных фанатиков, разбросанных по равнодушной пустоте и цепляющихся за свои ритуалы и клятвы даже, когда те утратят свой смысл.

Возможно, Волки более всех прочих сохранят себя прежними. Их все также будут избегать остальные космодесантники, бояться враги и не доверять союзники. Невежественные считают их дьяволами, сведущие - лицемерами. И те, и другие правы и неправы, так как вселенная стала местом, где инстинкты борются с гнетущим влиянием фанатизма.

Клык - первый из двух даров Императора Руссу - завершен и возвышается с воинствующим вызовом среди бесконечных буранов. Новые кампании во имя Всеотца теперь проводились с большей жестокостью, но, не утратив при этом прежней самоотверженности. Темно-серые носы кораблей Своры беспрестанно рыскают по пустоте во главе со своим примархом. Русс, как и обещал, никогда не

использует копье, хотя оно зачастую с ним – в руках доверенного вассала или же безмолвно висит в залах чести. Скьялды начинают смеяться над оружием, зовут его побитой дворняжкой, тощим псом, который бродит у камина, надеясь на объедки невнимательного хозяина. В конце концов, копье оказывается в захолустном храмовом мире, названном в честь погибшего Волчьего лорда, и остается там, словно в искупление прошлых грехов.

Некоторое время после этого кажется, что ситуация никогда не изменится. Будут войны, будут потери, но в залах Клыка всегда будет реветь пламя, а его хозяин будет сидеть за высоким столом со своими вассалами.

Но одной ночью Русс прекращает смеяться, а питьевой рог падает на стол. Примарх замирает, и в зале с ними оказывается что-то еще.

Русс встает.

- Хватит! – заявляет он, и только его глаза видят сияющего стройного призрака, вращающегося в холодном воздухе Клыка, хотя в реальности тот находится во многих световых годах в другом мире.

«Прислушайтесь к тому, что оно говорит вам».

- Наступит время, в далеком будущем, когда сам Орден будет умирать, – говорит Леман Русс, с легкостью находя нужные слова, словно их вложили ему в голову. Это последний раз, когда он говорит со своими сыновьями, и они еще не знают об этом. Некоторые даже отправятся с ним, но не Бьорн, ведь он был тем, кто на Яранте взял в руки копье, и таким образом вплел себя в эту древнюю нить. Его судьба достойна сожаления, так как Разящей Руке не поведали истину, и это причинит ему глубокую боль.

- В самом конце, – заканчивает речь Русс, уже на пути к выходу, – я буду там. Ради последней битвы. Ради Времени Волка.

Валдор поднимает взгляд. Свечи в его комнате гаснут, потревоженные холодным ветром, которому нет места во влажной атмосфере Терры. Константин выглядывает в окно и сначала видит горы, черно-синие на фоне фенрисиийской ночи. Затем они снова становятся городскими шпилями, по-прежнему наполовину разрушенными, завещающими свое восстановление производительным силам Тронного мира.

- Так скоро, – бормочет он. Ему еще многое хотелось здесь сделать, ведь галактика лежит в руинах и истекает кровью. Восстановление необходимо выполнить должным образом – выжившим принципам старого крестового похода нельзя позволить умереть, а ведь даже его кустодии многое забывают.

Но он не может советовать Волчьему Королю делать одно, одновременно позволяя себе другое. Валдора всегда связывали законы, даже если они были созданы им для самого себя. Он поднимается и берется за доспех. Когда он покидает комнату, то не оставляет за собой ничего – ни знака, ни послания, ни загадочной подсказки.

Валдор выскальзывает незамеченным, так как маршрут готовился долгое время. И в отличие от Русса он не берет с собой товарищей. И так и должно быть – он никогда не был общительным человеком.

Он оглядывается всего раз – когда его корабль взлетает с платформы. Сердце старого Дворца все еще существует, ужасно поврежденное, но структурно целое, а внутри него, глубоко внизу погребен тот, кто

сотворил все. Валдор минуту неотрывно смотрит на саркофаг, пытаясь отгадать, знал ли Он с самого начала, как все сложится или же, что вполне вероятно, это был отчаянный шаг, чтобы остановить немислимое бедствие. Когда-то Валдора почти пугало появление в его разуме голоса повелителя, зная, что он придет только, чтобы отдать приказ, но сейчас, когда он умолк, кустодий тоскует по нему. Существует множество видов одиночества, но это – для такого как он, неразрывно связанного со своим создателем – одно из худших.

- Только в смерти, – шепчет Константин перед уходом.

И вот время почти полностью вышло. Два мира, застрявшие в изможденном конце истории: один в сердце дряхлеющей звездной империи человечества, чья слабость скрыта загнивающим великолепием, другой – в захолустье, пугающий первобытным мифом и несущий шрамы недавнего чародейства, пятнающие его тающие льдины.

В каждом из этих миров есть комната, а в каждой из этих комнат – клинок, забытый и сокрытый. Сейчас они оба безмолвны, незажжены, забыты, ведь столь многое занимает умы тех, кто остается верным, пусть и не полностью, мечте человечества освободиться от рабства ужасу. Один из клинков использовался много раз руками недостойных, другого ни разу не касались.

И, как тысячелетия до этого, они все ждут. Метафизические клинки, отражения друг друга, инструменты просвещения для владельца и жертвы, ожидающие во тьме своих хозяев.

Противоположности, как некогда было сказано. В определенном смысле.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Два_метафизических_клинки / Two_Metaphysical_Blades_\(рассказ\)&oldid=20375](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Два_метафизических_клинки / Two_Metaphysical_Blades_(рассказ)&oldid=20375)

Эта страница в последний раз была отредактирована 29 июля 2022 в 09:29.